

Каменное сердце Генерала

16+

ЮЛИЯ ПУЛЬС

Юлия Пульс

Каменное сердце генерала

«Автор»

2022

Пульс Ю.

Каменное сердце генерала / Ю. Пульс — «Автор», 2022

В день своей свадьбы Мэлори по традиции отправилась в лес, чтобы сплести брачный венок, а в итоге спасла ребенка ценой собственной жизни. Теперь она калека, прикованная к постели. Жених отказался от убогой невесты, родители устали от постоянной заботы о дочери и спешили скорее от нее избавиться. И лишь местная знахарка сжалилась над девушкой и забрала ее в обитель при храме Солнцеликой богини. Влача жалкое существование, Мэлори и представить не могла, чем обернется для нее приход крылатых захватчиков. Генерал армии эсперов подарил ей шанс на вторую жизнь, но как бы она не стала хуже прежней.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	18
Глава 6	21
Глава 7	24
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Юлия Пульс

Каменное сердце генерала

Глава 1

Зеленые листочки трепетали, потревоженные теплым ветром. С особым шелестом они перешептывались, будто ругая проказника бога воздуха Вайу. Я остановилась посреди утоптанной лесной тропки и в который раз с удовольствием втянула ароматы трав.

– М-м-м, – прищурилась от заигравшегося солнечного зайчика, что на миг ослепил. Погрозила ему и опустила взгляд на ноги. Пошевелила пальчиками, чувствуя, как тесно кожаные сандалии сжимают стопы. В порыве освободиться от оков, скинула обувь, уложила ее на дно плетеной корзины и пошла дальше босая.

До чего приятна прохлада Лихолесья! В зобу дыхание спирало от счастья. Сегодня особый день. День моей свадьбы с Тейлом. Мать с рассвета на ногах у печи. Черничные пироги, жаркое из оленины, закуски из козьего сыра и сочных плодов крамника. Намечался настоящий пир на все село! Глава совета Амрааса старшенькую замуж выдает за сына ювелира.

Сбавив шаг, посмотрела на изящный браслет, овивающий запястье. Провела пальцем по звеньям серебряной цепи, задела ноготком надежную застежку и залюбовалась тремя умело впаянными в металл сапфирами. Камни переливались на свету синими гранями, сияли и поражали необыкновенной красотой. Редкий камень, добываемый нашими смельчаками в Корундовой долине. Тейл сам соткал для меня этот браслет. А в день сезонного затмения, когда небо окрасилось алым и ритуальные костры взметнулись ввысь, сделал свой выбор. Дрожащей от волнения рукой окольцевал мое запястье и поцеловал в макушку. В ответ, традиционно подтверждая согласие на брак, я надела на него белую рубашку, которую с особым трепетом вышивала. Орнамент нашего рода в виде завитушек и крылатого волка у основания выреза горловины, бордовыми нитями украшал дорожную ткань. Вышивками я славилась на все село! С детства мать учила этому ремеслу, и оно очень пригодилось не только для себя самой. Неумехи готовились к затмению заранее, и целый серпий я трудилась не покладая рук, чтобы и другие девицы могли ответить согласием своим избранникам.

Тропка свернула в сторону поляны, к которой я так долго шла. В этом сезоне побеги вереска особенно разрослись, нежась под ласковыми лучиками солнца. Я втянула носом медовый аромат пурпурных цветов. Вошла в ковер поляны и опустилась на колени. Отставила корзину и коснулась трехгранных сизо-белых листочков. Умелыми движениями срывала растение, аккуратно укладывала на траву и думала о женихе. Нашептывала молитвенные слова, как того требовал обряд. Всю свою любовь я должна вплести в подвенечный веночек и украсить им голову мужа. Взамен он одарит меня ожерельем и поклянется в вечной верности.

Когда закончила работу, загордилась результатом. Поднялась на затекшие ноги, размялась и уложила веночек в корзину. Обратное решила возвращаться другим путем через Острую скалу, нависающую над Угольным озером. Так будет быстрее, и матери с готовкой успею помочь, а то от сестры и забияки братишки толку никакого по хозяйству. Алаида сама уже в помолвочном браслете ходит, а белоручка, каких поискать. Все я за нее делаю, и как только за мужем ухаживать будет?

Выйдя из чащи на каменную дорогу, я обулась и вмиг сорвалась с места. Разрезая ветер, смеясь Вайу в лицо, бежала изо всех сил. Обожала бегать! Это почти как летать. А если раскинуть руки...

Ух! Какой же счастливый день! В памяти рисовался портрет жениха, и сердце замирало от милой улыбки застенчивого Тайла. Совсем скоро на белоснежном брачном ложе я подарю ему сердце, душу и тело. Я рожу ему много детей и буду самой примерной любящей женой. А умрем мы в один день дряхлыми стариками и вновь встретимся в Небесном Ханаане, где текут мерцающие реки, а берега подобны мягким перинам. Там под кучерявыми облаками раскинулись исполинские деревья с сочными вкусными плодами. Там наши вечно молодые души обретут вечный покой и неземное счастье.

Из мечтаний меня выдернул крик, от которого кровь застыла в жилах. Я остановилась так резко, что едва не упала, зацепившись подошвой за камень. Взгляд устремился вперед на выступ Острой скалы. Прищурившись, старалась рассмотреть крохотную фигурку ребенка, над которым кружил горный беркут.

Вдруг услышала крики взрослых вдалеке. А мальчишка плакал, страхась когтей огромной птицы, и все ближе подходил к обрыву. Отшвырнув корзину, чтобы освободить руки, с прыжка рванула вперед. Чем больше приближалась к ребенку, тем отчетливее понимала, что знаю этого неугомонного сорванца. Ох, сколько он нам грядок потоптал, обрывая малинник! Из бедной семьи наш Ниото. Батька вечно хмельной слоняется по селу, а мамка померла пять серпий тому назад. Неприкаянный он, жалкий и голодный. Без присмотра и заботы растет. Я все лепешками его подкармливаю, а он мне травки для чая у кромки Лихолесья собирает. Хороший он, добрая невинная душа. Никому не дам сиротку в обиду! Отгоню птицу камнями. А если поймаю, ух, все перья повыщипываю! Еще чего удумал, деток малых пугать.

– А ну! Пошел! – заорала во всю глотку. Притормозила, схватила камень и только хотела запустить, как пернатая тварь, будто в отместку за мою угрозу вцепилась в шиворот мальчишки и скинула добычу с обрыва.

Я и секунды не думала, знала, что Ниото плавать не умеет и воды боится, а я могла его вытащить пусть и в озере этом никогда не плавала. Коварное оно, поговаривали в поселке.

Разбежавшись на пределе своих сил, оттолкнулась от обрыва ногами, вытянула руки вперед и стрелой полетела вниз. Задержав дыхание, увидела барахтающегося и периодически опускающегося под воду мальчишку. Зажмурилась и с ударом о плотную гладь вошла в глубину. Руки сами не выдержали столкновения и расцепились. Все тело обдало сковывающим холодом, а потом я услышала треск. Треск такой, словно ступила в студеной пору на поверхность того же озера и лед трещинами пошел. Я сначала не поняла, что этот звук поселился только в моей голове. Зазвенело в ушах и затылок прошибло дикой болью, будто кто копье всадил в шею, прокрутил и вырвал из тела позвонки.

От шока втянула воздух, а в нос хлынула вода. В панике забарахталась, пытаясь всплыть на поверхность, распахнула глаза и увидела черное дно. Не понимала, почему не могу всплыть, ведь загибаю руками изо всех сил.

Осознание, что тело не слушается, пришло колким ударом в висок. Сердце затарахтело в предсмертной агонии, в последний раз разгоняя кровь по венам. Легкие опустели, и муть озера осела на проклятое дно. Веки черной шторкой опустились на глаза, погружая в кромешную тьму, что бесновалась в подводных приглушенных звуках.

Вдруг вспышка света ударила по тонким полотнам век и тьма рассеялась. В горящие огнем легкие ворвалась рука бога воздуха. Он вытолкнул из меня всю воду и похлестал прохладными потоками по щекам. С трудом разлепила глаза и чуть повернула голову на бок. Увидела мальчонку, укутанного в чью-то рубашку. Дрожал воробышком, смотрел на меня с испугом.

– Не бойся, – зашевелила губами, и только тогда вылетели водные пробки из ушей.

– Мэлори! Пошевелись, Мэлори! – склонился надо мной мужчина, образуя приятную тень над головой.

Я узнала красное припухшее лицо Гектора. Пахнуло стойким дешевым хмелем, заставляя сморщить нос.

– Опять пил? – отозвалась обреченно. Он мужик добрый, рукастый, но как жены не стало, так и рухнул на дно, как я сейчас. – Ниото береги. Птица чуть не унесла. Ты же знаешь, охотятся они на деток малых.

Вместо ответа на мои слова, по сальным щекам покатались слезы. Капли очерчивали его подбородок и падали мне на лоб. Захотелось смахнуть соленую влагу и отругать нерадивого отца. Потянулась к лицу и... пустота.

Надо мной склонился еще десяток знакомых лиц. Вот прачка нахмурилась, кожемяка ручищу в волосы свои густые запустил да оттянул их в привычной манере. О! А вот и сестрица кареглазая моя заохала. Косу светлую затеребила, прикусила кончик, обхватив пухлыми губками.

– Солнцеликая, помоги! – запричитал Гектор. – Пошевелись, девонька! Хоть пальчиком одним, хоть ноженькой!

И попыталась снова. Улыбнулась перепуганным сельчанам, чтобы не страшились ничего. Живая. Говорить могу, а вот... вот шевелиться никак не получалось.

– Скорее! Где вы ходите?! Носилки тащи живее! Главе доложили? – узнала по строгому голосу повитуху.

– Да. Уже бежит, – отозвался кожемяка.

– Не тревожьте отца. Он свадьбой занят. И матери не говорите. Алаида, я там у скалы корзину с венком обронила. Найди. Для Тайла плела. Несите меня в дом, к вечеру оправлюсь. Платье мое не пялила на себя? – рассмеялась. – Пялила, конечно, – ответила на свой же вопрос и потонула в тишине.

Жители Амрааса смотрели на меня молча. Смотрели и прикрывали лица руками. Только Алаида не трогала свое красивое лицо. Сестренка побледнела и свела в тонкие бескровные ниточки губы. Крупные слезинки так и падали сверкающими алмазами с ее ресниц. Да в такой лютой тишине покойников провожают в последний путь, выстилая им дорожки из легкой белой ткани прямо в Ханаан.

– Чего ждете, идиоты?! – всегда резкая и раздраженная старая знахарка разогнала толпу и подстелила на камни чей-то сюртук. Плюхнулась на колени и схватила меня за подбородок. Юркнула рукой куда-то в область затылка. – Здесь чувствуешь? – я кивнула, ощущая легкое покалывание в сопряжении спины и шеи. – Здесь? – я мотнула отрицательно головой. – Тут? – опять ничего. Только и видела, как она шлепает наотмашь ладонью по моим рукам, животу, бедрам и ногам. – Несите ко мне. Да так, чтобы не трясли! Не переворачивать! Не трогать! Живее, остолопы! – приказала грозно и тут же рядом со мной расправили ткань, натянутую на толстые палки.

Наши brave ребята вмиг перекинули меня на носилки и взялись за выпирающие рукояти.

– Осторожно, сказала! Вперед!

– Алаида! – окликнула сестру. – Скажи Тайлу, чтобы подождал немного. Пусть к свадьбе готовится. Скоро приду!

– Не придешь, девочка, – заскрипел над ухом противный голос знахарки. – Уже на своих двоих никогда не придешь, – врезались страшные слова в подкорку подсознания, но я лишь улыбнулась в ответ. Не правду несет старуха. Я молодая и сильная. Справлюсь с любой напастью.

Так я думала ровно до тех пор, пока не оказалась в лачуге Лихолесья на грубо сколоченной широкой лавке. Здесь пахло сыростью и травами. А еще дымом, что тянулся из очага в центре комнаты. Над ним висел черный котелок с каким-то вонючим варевом.

Фигура высохшей как жердь старухи в сером балахоне мелькала то тут, то там. Гремели склянки, на пол падали глиняные чашки, а я смотрела на огонь. Он так жадно и резво облизывал оранжевыми языками дно котелка, что захотелось распалить его еще больше. Да так, чтобы искры рассыпались в воздухе, как в день затмения. Мы с Тайлом смеялись и подбрасывали прелые ветки в костер. Они трещали, а недовольное нашими проделками пламя плевалось яркими искрами. До чего же чудно это вспоминать, пока знахарка молча суетится вокруг.

– Ты останься, – тыкнула пальцем в дверной проем, где столпились селяне. – Остальные на выход!

Алаида робко вошла в келью и забилась в угол. Опустилась на край скамьи, а ко мне не подошла.

– Чего расселась! Помогай давай! – прорычала знахарка и сестра подскочила с места, как ужаленная. Не успела протянуть рук, как старуха сунула ей под нос пучок трав. – Листочки сюда соскреби и размели в ступе до порошка. Песто возьми на столе, – указала в противоположный угол. – Да что же ты как муха сонная?! – выругалась так злобно, что я дыхание задержала от страха. – Хочешь, чтобы сестра хотя бы головой вертеть могла, поторапливайся! – до чего же пугали меня слова знахарки! Но я верила и надеялась, что она преувеличивает. У нее всегда так. Вон, серпий назад Вьюжку нашего за несколько часов выходила, хотя сокрушалась, что умрет конь от укуса красного арантула. Где уж там! Как вскочил, как расправил белую гриву! Я потом весь вечер ее в косы сплетала.

Завоняло с новой силой. Теперь уже чем-то приторно-сладким. Сморщив нос, я посмотрела на мокрую от пота сестру, и сердце от жалости зашлось галопом. Хотелось вскочить на ноги и мигом выполнить всю работу за нее, как это всегда я и делала. Хрупкая она у меня, ранимая. От каждой пчелы шарахается, криком кричит, бежит, прячется под подол старшей сестры. А я и рада приголубить, успокоить, чаем напоить и булочку в тонкую ручку сунуть. Любила я ее пуще всех! Но вида не подавала. Все подзатыльники и тумачи раздавала неумехе, жизни учила, чтобы в браке не пропала и позора избежала.

– Готово, Ваакри, смолола я, – задрожал тонкий голосок непутевой моей.

– Тю! Смолола! Дай сюда! И вон пошла! Чтобы очи мои тебя не видели! – обрушилась гневом знахарка на несчастную голову моей сестренки. Но с ней пререкалась и спорить себе дороже. Так обложит по батюшке, что вовек не отмоешься. Вслед еще и кочергой запустит и пса Койко натравит. Плавали, знаем! Вот и Алаида поспешила покинуть порог лачуги.

– Да-а-а, девочка, ох и непутевая кровинка твоя. Не дала Солнцеликая ей ни силу духа, ни силу тела. Лучше ей бы лежать здесь вместо тебя, – толкла в ступе траву и приговаривала.

– Да что вы... – попыталась возмутиться. Еще чего! Нечего сестре на моем месте делать.

– Молчи, девочка, знаю я, что говорю. Поймешь скоро, кто любит, а кто использует, – не понимала я, о чем эта болящая толкует, но дело свое знает, лечить умеет – это главное. – Сразу говорю, – засыпала она себе в рот порошок из ступки и надула щеки. Зачерпнула чаркой варево из котелка и подошла ко мне. Сплюнула в ладонь зеленую кашицу и облизнула сухие губы. Впялилась в мое лицо большими янтарными глазами, обрамленными сеткой глубоких морщин. – Чуда не жди. Хребет переломан. Как только позвонки все не посыпались! Глупая. Привела доброта тебя к беде. Спасла оборванца, а сама теперь калека на всю жизнь.

– Калека? – впервые за время моего пребывания в неподвижном теле, слезы сорвались с уголков глаз.

– Ну, ну, не реви, – подула она на чарку, развеивая пар. – Если ухаживать кто будет, жизнь тебе свою посвятит, то и сама еще долго проживешь. Много увидишь. И даже деток твоей неумехи сестры.

В душающем от слез спазме не смогла обронить ни слова. Ваакри ухватила за шею, прошлась кулаком по затылку и приложила кашицу к основанию шеи. Что она делала со спиной дальше, я не понимала. Не чувствовала больше ничего. Смотрела с мольбой в ее ясные глаза.

– Пей, – придержала голову и поднесла к губам горячий отвар, – пей потихонечку, по глоточку, медленно, пей и не плачь, Мэлори, – я глотала, обжигая язык и нёбо под тихий убаюкивающий голос знахарки. – Платье, что ты мне расшила синей нитью, поберегла к твоей свадьбе. Но не суждено ему выгуляться. Придержу к другому празднику. Скоро жених твой другую женку найдет, там и погуляю, – глаза заволокло сизым туманом, веки отяжелели. – Спи, девочка, пусть душа твоя найдет покой, но сдаваться не смей. Веру не теряй, надежду не раздаривай. Любовь сохрани и горечь прогони.

Глава 2

– Вставай, засоня! Новый светлый день! Завтрак стынет! – из тысячи других узнала бы скрипучий голос бабки Ваакри.

– Я давно уже не сплю, – отозвалась тихо, не отрывая взгляда от опостылевшего потрескавшегося потолка. Долгими часами в одиночестве, лежа в кровати без единого движения, изучила каждую трещинку. Фантазия сплетала из них узоры тех вышивок, которые творили мои руки. Те самые пальчики, что сейчас безжизненными плетью валялись на простынях.

– Опять пол ночи в облаках летала? – хохотнула старушка и уселась на стул у моей кровати. Поправила подушку, немного приподнимая мое непослушное тело. Взяла с пола тарелку с кашей и щедро зачерпнула деревянной ложкой.

– Летала, Ваакри. Мне снились просторы Лихолесья. Амраас снился с домиками и загонами для скота. Костры и хороводы. Лепешки мамины и Тейл...

– Тьфу! – не дала мне договорить и сунула в рот ложку. – Ты мне тут родню свою поганую не вспоминай! Иш! В Ханаане за чертой берега я видела эту семейку! – знахарка всегда злилась, когда я вспоминала былую жизнь и есть за что.

Ваакри с того рокового дня выхаживала меня с неделю, поила, растирала, мыла, таскала. Поначалу отец ей помогал меня носить и выгуливать. Как только я смогла поворачивать голову, появилась надежда, но от груди я все равно не чувствовала тело. Мать решила забрать меня из лесной лачуги домой, обещала ухаживать. Так и случилось. Первое время родители самоотверженно выполняли все указания знахарки, даже сестра пару раз меня подмывала и меняла белье. Как раз близился день ее свадьбы. Вот тогда то про меня и забыли. Гулянка продолжалась три дня. Изредка в комнату заглядывал пьяный отец. Посидит немного, поплачет, выругается на судьбу злодейку и уйдет пить дальше. Из коридора постоянно доносились крики и звуки борьбы. Мать влетала в дверь в синяках и рыдала на моей зловонной постели. И от нее несло хмелем не меньше, чем от отца.

Я долго терпела, злилась на себя, что столько горя семье принесла. Но однажды не выдержала. Кричала до хрипа, звала на помощь, но ко мне никто не пришел. В забытьи, одной ногой в Ханаане, всхлипывала, продираясь через фантомные боли. Уже с белым светом попрощалась и с нетерпением ждала ухода из брэнного мира, когда скрипучий голос старухи за шиворот выдернул из трясины. Такой крик тогда подняла Ваакри, что все село на уши поставила. Палками погоняла главу поселения, мать мою нерадивую хворостиной отходила, и сестре досталось тумачков. Так я и оказалась в Изумрудной обители на краю Корундовой долины. Сюда свозили всех неугодных калек. С глаз долой, из сердца вон. Так легче дышать. Так жизнь окрашивается в прежние радужные краски и спадает ярмо.

Я рада, что Ваакри увезла меня из Амрааса и осталась со мной в обители, чтобы посвятить мне остаток своих дней. Здесь было все, чтобы прилично влачить жалкое существование. Деревянное кресло на колесах, к которому меня привязывали веревками и вывозили во двор. Ваакри возила меня по тропкам и рассказывала о своей молодости. Иногда садилась рядом на лавку и читала мне книги. В них красивые аристократки выходили замуж за королей. Они танцевали на балах в пышных платьях и жили совсем другой прекрасной жизнью. Я обожала эти прогулки. И вот сегодня как раз такой день, когда солнце в зените, а Ваакри в хорошем расположении духа.

Пережевывая вкусную молочную кашу, смотрела на свою спасительницу с благодарностью. Дай Солнцеликая ей долгих лет жизни, тогда и я свою просуществую как-нибудь.

– А о Тейле своем и думать забудь, поняла? – я кивнула, а у самой скопился ком в горле. – Разве любящий мужчина бросит свою зазную будь она хоть сто раз калеккой? Не бросит нико-

гда! И верить будет и ухаживать и рученьки целовать. Вот такого тебе надо, чтобы под крылышко взял, укутал, заботой окружил.

Первые дни Тейл навещал меня, даже плакал и рученьки целовал. Обещал, что поправлюсь и справим свадьбу, как и собирались. А потом приходил все реже и вел себя все черствее. Ко дню свадьбы Алаиды я вообще забыла, когда был в последний раз. Но духом не падала, понимала, как ему тяжело. Все на браслет сапфировый смотрела, верила, ждала каждую секунду. А слез сколько выплакала. Так и не явился. Увидела его в последний раз, когда под чутким руководством знахарки меня грузили в повозку, что отправлялась в обитель. Он тогда подошел ближе всех, не побоялся, что старуха погонит. Косился то на палку в ее руке, то на меня. И хотел ведь что-то сказать, уже и рот приоткрыл да только подбежала к нему дочь пастуха, приобняла и увела. А я и почувствовать не смогла, как сердце мое разбивается. Только разумом все и понимала. Может, оно и к лучшему, что парализовало грудь мою тревожную.

– Да где же сокола такого отыскать? Скажешь тоже, – рассмеялась. – Да и кому я такая нужна, – улыбка резко сошла с лица.

– Ну и Ханаан с ними! – махнула она рукой. – И без них хорошо. Командовать зато никто не будет. А то вечно! Вон мой покойный супруг... туда не ходи, щиколотки под платье спрячь, взгляд не поднимай и ведра таскай. Противный был паршивец, но люби-и-ила дура, ой как любила! Аж воздуха рядом с ним не хватало. Красивый был, глаз не отвести. Как рубаху снимет, как потный весь бревно подымет, жилы как натянет так что мускулы проступают. Ух! – мечтательно заурчала старушка и снова меня рассмешила. – Дуры мы бабы! Покладистого и неказистого искать надо. Чтобы в рот заглядывал и по девкам не бегал, а нам лютых подавай красавцев, чтобы за косу оттащали и на сеновал замаливать вину.

Хотела сказать, что Тейл и красивый был и заботливый, но смолчала. Нельзя о нем думать, давно пора отпустить и забыть. Година прошла с того дня рокового. Не навестил он меня ни разу в обители. Я слышала, как Ваакри говорила с послушницей, думала, я сплю, а я все слышала. Женился он на дочери пастуха. Обрюхатил уже. Деточку они ждут. А у меня никогда семьи не будет. Хотела хотя бы троих родить, а теперь и одного не смогу.

– Ты чего взгрустнула? – заметила знахарка. Я мотнула головой в ответ, мол, показалось. – Ладно. Собираться пора. Разговор у меня к тебе есть. Дон, кати кресло!

Исполнительный Дон был нем, как рыба, но слухом тонким обладал. Когда бы я его не позвала, везде услышит, прибежит, поможет. Жестами расскажет, чем занимался весь день, а что не пойму, на дощечке мелом напишет. Так и общались. Валух валухом, – причитала Ваакри, – а душа добрая. И мне Дон нравился, но не в те минуты, когда тайком подглядывал за мной во время прогулки. Смотрел с озорными бесинками в глазах, будто подлетит сейчас в два шага, обхватит ручищами и утащит.

– Вот помру, – с этих слов традиционно начиналась каждая прогулка.

Дон крепче затянул веревки на кресле, проверил, чтобы не сдавливали мою кожу, и забежал обратно в обитель.

– Вот помру, говорю, – схватилась Ваакри сзади за поручни и покатила кресло вперед. – Дон о тебе позаботится. Сил у него хватит на пять таких как ты. Одна не останешься, – я же смотрела по сторонам и любовалась листвой. Птички щебетали на ветках, травка шелестела, свежестью пахло от ручья горного.

Мы свернули на широкую гладко притоптанную дорогу, и попали под сень деревьев. До чего здесь красиво! Почти как в Лихолесье родном. Только деревца не высокие и не такие густые кустарники. Зато уютно и ветерок ласковый. Похоже, Вайу сил на долину не хватает, скот наш по полянам Амрааса гоняет, забияка.

Знахарка подкатила коляску к краю лавки, смахнула пот со лба, затянула косынку потуже и присела. Погладила меня по щеке сухой рукой и тяжело вздохнула.

– Не хотела тебе говорить, Мэлори, надеялась, что слухи это все, но теперь уж точно знаю, настоящая беда пришла в наши земли, – показалось, что она постарела еще на несколько годин. Не нравилось мне начало разговора.

– Какая беда? – вкрадчиво спросила.

– Война, – еще раз тяжело вздохнула и опустила плечи. – Да что война! Захват, девочка. Говорят, крылатая армия спустилась прямо с небес. Грабят, разоряют, женщин в плен забирают. Кто такие неизвестно. Королевские колесницы за считанные дни с землей сравняли. Войска столичные разгромлены. Жители бегут, кто куда. Ждут помощи от других королевств. Горги и сияты пытаются в блокаду взять осевшие войска врагов. Я все думала, не дойдут до Корунтовой долины, но вчера Ния восточку принесла, что Амраас захвачен, – губы задрожали от страшного рассказа Ваакри.

– Как же это? А мама? Сестренка? – пропищала в отчаянии.

– Никого не пожалели. Расправлялись с мужчинами, что на защиту вышли, прямо у скалы. Тела в озеро сбрасывали. Кто смог сбежать, покинул село, кого-то пленили и в клетки посадили. Ния едва ноги унесла и сюда на твоём Вьюжке примчалась. Отпаивали ее всем храмом. Настоятельница приказала врата закрыть, мост поднять и стены укрепить. Но что им эти стены, Мэлори, если по воздуху они летают, как по земле ходят. Не ровен час, явятся и по наши души. В подземелье сегодня спустимся. Не знаю, сколько сидеть придется. Дон побежал запасы стаскивать в убежище. Нам бы атаку пережить. Может, мимо пройдут. Чего возьмешь с убогих да старых?

– Война, значит, – произнесла обреченно, в глубине души понимая, что жить мне осталось недолго. Уж лучше бы еще тогда в родном доме ушла по белой дорожке в Небесный Ханаан, чем беспомощно наблюдать за тем, как родные гибнут.

Глава 3

Убежище обители находилось в сыром подzemелье, куда стихийно свозили неходячих и укладывали на узкие каменные кровати с потрепанными матрасами. Дон достал для меня удобную подушку и заботливо укрыл пледом. Затолкал края под матрас, утепляя. Здесь было тяжело дышать холодным воздухом, но никто не жаловался. Столько страха в глазах калек и послушников я не видела никогда. И только Ваакри с улыбкой носилась по помещению, создавая уют. Расставляла свечи, таскала ведра воды наравне с молодыми. Складывала плотными стопками полотенца и сменное белье. Силе духа этой женщины могла бы позавидовать каждая и как я жалела, что не могу просто встать и помочь ей. Лишь во снах из раза в раз я бежала по лесу к той злосчастной скале и чувствовала, как каждая мышца напрягается, как податливо и грациозно мое тело. А потом просыпалась в холодном поту, погружаясь в реальность. Этот миг резкого осознания самый страшный и болезненный. Иногда я невольно вскрикивала и винила себя за это. Не хотела расстраивать Ваакри, старалась чаще улыбаться. Ради нее по сути и жила. Не счесть, сколько раз я хотела покинуть этот мир, но самое смешное, что без посторонней помощи мне и это не под силу.

Когда все обитатели храма спустились в убежище, настоятельница Камола пришла вместе с Нией, которую я знала по селу как скромную неказистую дочь кузнеца. За всю ту прошлую жизнь мы лишь пару раз на празднике перекинулись фразами. А сейчас я смотрела на ее бледное лицо и ужасалась тому, что ее каштановые волосы поседели у корней. Что такого кошмарного она увидела в моих родных краях, чтобы так быстро из девы превратиться в старуху?

– Мост подняли, заставу закрыли, обитель окружена стеной. Помолимся Солнцеликой, чтобы враг прошел стороной, – Камола осенила нас священным кругом и приложила ладонь ко лбу. Все кто мог, повторили за настоятельницей. И я мысленно молилась нашей великодушной богине о том, чтобы никогда не столкнуться с захватчиками. Просила защитить обитель и мою дорогу Ваакри от беды.

– Ния, твоя койка, – указала она на кровать, что находилась рядом с моей. Девушка робко прошла на свое место и присела на край. Уставилась на меня во все глаза и грустно улыбнулась. – Поддерживайте огонь в факелах. Будем жить по прежнему расписанию. Готовьтесь ко сну.

Ваакри сморило самой первой, а мы с Нией безотрывно смотрели друг на друга. Не выдержав напряжения, я шепотом подозвала ее к себе, и девушка переместилась на мою кровать. Склонилась над моей головой.

– Ты не видела, что стало с моей семьей? – спросила, захлебываясь страхом.

– Ваакри запретила рассказывать.

– Прошу. Я должна знать, – взмолилась.

Ния взглянула на спящую знахарку и припала к моему уху.

– Мы долго не верили, что в наши земли пришли захватчики. А зря. Глядишь, успели бы укрыться. В совете решили не разводить панику. Сказали, байки это все, а у меня тревога так и роилась в груди, покоя не давала. Подумала, что если с воздуха они нападают, то прятаться надо под землей. И не прогадала. Снесла припасы в погреб, а отец все смеялся надо мной. Я не видела, как они пришли, но слышала. Ты даже не представляешь, Мэлори, как кричат люди в предсмертной агонии. От страха я за один час поседела. Казалось, сердце остановится. А когда все стихло, решила выбраться из погреба. Подошла к зашторенному окошку и заглянула в щелочку. А там... – она перевела дыхание и обдала кончик моего уха жаром. – А там мужчины с черными крыльями как у мышей летучих только с загнутыми когтями на пике ходили рядом с загонем для скота и заталкивали в большие металлические клетки девушек. Не всех, только

тех, на кого указывал самый крупный мужик. Видимо, предводитель. Когда схватили твою мать, твой отец, мой и все служители совета с подручным оружием кинулись на врагов. И тут... – задышала она часто, будто только что оттуда прибежала. – Главный этих тварей крылатых сверкнул глазами, и мужики наши как есть, все разом полегли. Будто каждого удар хватил. Я так испугалась, что прыгнула обратно в погреб. Сколько просидела, не знаю. А когда вода закончилась, снова решилась выйти. Не было уже тварей. Вообще никого не было. Увидела в загоне твоего Вьюжко, оседлала коня и помчалась в обход через Угольное озеро. К берегу подошла и разрыдалась. Тела наших мужчин прибило к берегу. Лежали среди них и отцы наши. Все, кто на защиту тогда бросился. Похоже, твари скинули мертвых со скалы. Но женщин среди них не было. Что случилось с твоей мамой, сестрой и братом, я не знаю, – закончила она рассказ и хотела отпрянуть, но я не желала ее от себя отпускать. Пусть и через слезы, но задала вопрос:

– И Тейл на берегу лежал? – голос предательски дрогнул.

– Нет, – и ком тут же сглотнулся. – Не было его среди защитников. Он как женился, его словно подменили. Жена дома беременная сидит. Тяжело носит, а он пить стал сильно. Часто я их с Гектором в таверне видела. А однажды сидела за соседним столом и разговор подслушала. О тебе он громко сокрушался. Рыдал истерично и высказывал Гектору, что тот своим сыном всю жизнь ему погубил. Мол, не шатайся мальчонка по селу без присмотра, не случилось бы беды. А Гектор ему и говорит, поезжай, забери любимую, выхаживай и глядишь, случится чудо. А Тейл по столу кулаком стукнул и ответил, что чудес не бывает и лучше бы ты на месте скончалась, чем двум семьям столько горя принесла. Прости, – вдруг прервала рассказ, спохватилась, что лишнее сболтнула и обидела убогую, а мне и не обидно вовсе. Зачем на правду обжаться? Правильно сказал. Еще в день свадьбы умереть должна была. Ваакри спасла. Для чего вот только? Чем я миру этому помочь смогу? Ни себя ни других защитить от врагов не сумею.

– Спасибо тебе, Ния, за правду благодарю. Молиться за тебя буду каждую минуту, за родных. Милостивая Солнцеликая сжалится над нами, отведет беду. Победят наши воины захватчиков, найдут их слабое место. А надо будет, подожгут небеса и сразят тварей, отомстят за наших. Вот бы руки ноги слушались, не сидела бы здесь, пошла бы на фронт хоть поварихой, хоть лекашкой. Жизнь бы отдала, – размечталась так, что вызвала у Нии теплую улыбку.

– Некому идти помогать, Мэлори. Что сделает войско, когда стрелы до врага не долетают, а от одного взгляда их генерала целая армия замертво падает.

– Что же им нужно от нас? – подавилась отчаянием.

– Кабы знать! Я долго об этом думала. И вот что считаю. Не земли им наши нужны, иначе оставались бы в завоеванных городах. Стеной идут, ищут что-то. Может, уйдут, когда найдут?

– Золото? Драгоценности? Грабят?

– Нет. Из ювелирной лавки не взяли ничего. Дома не тронули. Даже не сожгли. Что-то другое им нужно, – замолчали вдвоем и задумались.

– Хватит трещать там! – выругалась Камола. – Ния, спать!

Вмиг отогнала от меня девушку, и я представить боялась, какая страшная и бессонная ночь ждет меня впереди.

Глава 4

Солнце безжалостно опаляло вересковую поляну, а я стояла в тени дерева и не решалась выйти. Боялась заживо сгореть. А все потому что небо разверзлось белой бездонной пропастью. Воздух накалился, и пурпурные цветочки вмиг высохли. Я смотрела в небесный провал и ждала тех, про кого все говорят. Но из дыры вылетел проклятый беркут. Покружил над поляной, поймал меня метким взглядом и устремился за жертвой.

Вскрикнула от страха и сорвалась с места. Бежала до тянущей боли в мышцах, чувствуя, как кожа под палящим солнцем покрывается волдырями. Бежала к той самой скале лишь бы скорее прыгнуть в злосчастное озеро и потушить пожар.

Уже у самого края обрыва приготовилась к прыжку, но меня заставил остановиться мужчина. Он опустился на камни с огромными расправленными за спиной крыльями. Я четко не видела его лица, лишь размытые черты, но уловила ухмылку. Боль ушла от одного его движения руки. Крылатый схватил меня, и мы вместе полетели камнем вниз. Как только воды озера захлестнули нас с головой, я проснулась в холодном поту.

От кошмара, что испытала во сне, чуть не закричала в голос. Вернулись фантомные боли. Казалось, каждая клеточка тела горит в тех ядовитых лучах солнца. Глаза остекленели, веки не слушались. Я уставилась в одну точку на каменном потолке подземелья и прошептала:

– Воды, – но никто не услышал моей просьбы.

Послушники мирно спали в своих кроватях. Прикладывая невероятные усилия, замотала головой, и темные волосы прилипли к взмокшей щеке.

– Надо уснуть, – шептала одними губами себе под нос. – Надо потерпеть. Ваакри проснется и даст воды, – уговаривала себя, но во рту пересохло настолько, что язык к нёбу прилипал. Боль заставляла жадно хватать ртом воздух, и сухость добралась до самого горла.

Невыносимо и жутко, но я привыкла к таким припадкам после кошмаров. Знала, не умру от жажды. Дождусь помощь.

Приглушенный свет от оставшихся гореть на ночь факелов мягко стелился по стенам. Я ловила взглядом его блики, чтобы успокоиться, но мозг предательски пытался поднять меня с кровати. Он помнил те божественные ощущения бега и полета. Ему хотелось повторить, но тело было глухо к его приказам, оттого и ныло, выкручивало, мучало мое подсознание.

В попытке прогнать жуткие ощущения, стиснула зубы и бешено замотала головой – единственной частью тела, что еще подчинялась.

– Мэлори, Мэлори, – зашептала и заключила мое лицо в ладони Ния.

– Воды, – прохрипела в ответ, и девушка побежала к столу. Наполнила чарку из кувшина и вернулась.

Помогла мне вдоволь утолить жажду, смочила лоб остатками воды и зачесала пальцами волосы.

– Не бойся, мы выстоим. Я ведь выжила в погребе. Не спустятся они под землю, – нежно поглаживала меня по щеке и шептала, старалась успокоить.

Я кивала в ответ, а у самой слезы в уголках глаз скопились. Что бы я сделала, не будь прикованной к постели? Как уберечь от беды тех, кого люблю?

– Не уходи, Ния, расскажи еще о крылатых. Неужели наши ни одного не убили? – я цеплялась за нее, как за последнюю соломинку. Хотелось слушать ее тихий убаюкивающий голос.

– В Амраасе ни одного. К ним даже самый сильный мужик близко подойти не может. А еще знаешь, что скажу, – припала лбом к моей подушке и до щекотки зашептала прямо в ухо: – хоть и твари потусторонние, а красивы, как статуи божеств. Все как на подбор. Высокие, креп-

кие, сильные. Лица прекрасные, хоть картину пиши. И крылья у них по призыву вырастают. Без них да в местной одежде от сиятов не отличишь. У тех тоже мужиков красивых много.

– А женщин крылатых с ними не было? – вроде говорили мы с ней о лютых захватчиках, что лишили жизни моего отца, а боль в беседе уходила и дыхание выравнивалось.

– Нет. Небольшое мужское войско пришло. Говорю же, наших женщин отбирали и в клетки сажали. И не всех подряд. Да и детей не трогали. Думаю, мама твоя, сестра и брат спаслись, – я вздохнула, в душе надеясь, что так и есть. И пусть оставалась вероятность, что Ния приукрашивает, чтобы меня не расстраивать, все равно приятно думать о лучшем.

– Что же они ищут в нашем мире? Может, женщин поработить хотят? Мне Ваакри иногда читает древние фолианты с легендами. Так там рассказывалось о древней расе кочевников, что пленяли чужих женщин, чтобы те вынашивали для них потомство, а потом забивали как скот после родов и искали новых. По их поверьям считалось, что женщина, выносившая и родившая первенца, пустой использованный сосуд и никогда больше родить истинного воина не сможет. А если девочка рождалась, их заживо вместе с матерью и закапывали.

– Во нравы, – передернулась от моего рассказа Ния. О! Это она еще легенду о черном драконе не читала. Вот где нравы, от которых кровь в жилах стынет! – Если у крылатых все так, как ты говоришь, лучше умереть на месте, чем в плен попасть.

– Судя по твоему рассказу, они магией обладают, а нам противопоставить нечего. Сияты, тэрры и горги в древности обладали зачатками простейшей магии, но со временем ее растеряли. Если и есть в Шаардане маги, если верить истории происхождения сиятов, то их явно не достаточно для сопротивления. А мы тэрры вообще пустые. Горги физически сильный народ, а толку-то...

– Тише, – прижала она палец к губам и широко распахнула глаза. Тогда и я услышала звук, от которого ресницы затрепетали.

Это был гонг, извещающий о нападении на обитель. Звон нарастал, доходя до убежища по трубам. От него невозможно не проснуться, поэтому помещение погрузилось в возню, перерастающую в дикую суету.

– Успокойтесь все! С коек не вставать! – хлопнула в ладоши проснувшаяся Камола, привлекая к себе внимание. – Всем лежать и молиться Солнцеликой!

Но нет, кому как, а мне сейчас не хотелось взывать к глухому к моим бедам божеству. Я следила взглядом за дрожащей Нией. Ловила каждое ее тревожное движение.

Выполняя приказ Камолы, она погладила меня по голове и вернулась в свою постель. Подтянула одеяло до подбородка и уставилась в потолок перепуганным взглядом. Что творилось сейчас в ее душе и представить страшно. Девушка своими глазами видела врага и чудом спаслась. Но вот снова оказалась на грани гибели, заново переживая нападение захватчиков.

– Дон! Вернись на место! – рявкнула настоятельница, когда парень двинулся в мою сторону. Защитить хотел, утешить, но сейчас не время проявлять нежность. Стойкость нужна, смелость, чтобы достойно пережить атаку.

Но какая уж смелость, когда сигнал гонга нарастал с каждой минутой, а кто-то из послушников не выдержал напряжения и заплакал. А за тем еще кто-то и еще, еще... Звуки всхлипываний и рыданий сливались в какофонию самых жутких звуков, что мне когда-либо доводилось слышать. Они врезались в мозг и доводили до паники, но я держалась из последних сил. Камола права. Лучше тихо молиться. И я прикрыла веки, чтобы попросить великую Солнцеликую о спасении. Умоляла, крича душой, взывая обратить на нас ее всемогущий взор. Но и в этот кошмарный час богиня не снизошла для милости. Она покинула обитель с последним завыванием гонга, что резко канул в пустоту.

Мягкой поступью опасности в убежище вошла тишина. Она заткнула всем рты и породила первобытный страх, от которого кровь застыла в жилах. Позабыв, как дышать, я рас-

пахнула глаза и ощутила прикосновение теплой сухой ладони на лбу. Ваакри нарушила завет настоятельницы и села на край моей кровати.

– Ничего, девочка, ничего, – поглаживала, но в глаза мне не смотрела. – Солнцеликая нас не бросит, – она все еще верила в богиню, а я оставила последнюю надежду, когда слух обострился до предела.

Тишина проклятая привела с собой чужие тяжелые шаги и сгустила воздух над головой.

– Пройдут стороной. Не нужны им убогие, – уговаривала саму себя Ваакри и впервые рука этой сильной женщины задрожала как при лихорадке на моей щеке.

Насмешкой ее словам выступил легкий тычок в металлическую дверь убежища. Это смерть к порогу подошла, почуяв легкую добычу.

Мощная и широкая дверь заперта на крепкий засов. Какая силища нужна, чтобы разом сорвать ее с петель?

Имелась такая! Преграда с грохотом пала, обнажая перед врагом убежище убогих мира сего.

Первой вскрикнула Ния, Ваакри дернулась, наотмашь поцеловала меня в щеку и резко накрыла с головой плотным пледом.

Глава 5

Лучше умереть на месте, чем жмуриться под покрывалом, затаив дыхание, и слышать жуткие крики послушников. Голос Нии зазвенел мольбой сохранить ей жизнь. А Ваакри во всю глотку закричала:

– Уходите! У нас ничего нет!

– Проявите милость к послушникам Солнцеликой богини, – запричитала Камола, а у меня глаза наполнились слезами. – Забирайте, что хотите, только пощадите! – ее голос стих вместе с другими звуками. Это случилось так резко, что пугающая тишина едва не разорвала перепонки. Фантазия рисовала в голове страшную картину расправы, когда крылатый одним взглядом убивает всех послушников. Всех, кроме меня. И гнить мне теперь с ними заживо, накрытой пледом, будто крышкой гроба придавленной.

Нет! Не смирюсь со страшной участью!

Как только услышала чьи-то тяжелые шаги, разом решила, что и мне пора отправиться за всеми в Небесный Ханаан.

– Будьте вы прокляты! – закричала на надрыве и замотала головой, в попытке стрясти с себя ткань.

Реакция захватчиков не заставила себя ждать. Покрывало вмиг слетело с моего лица, и пронзительный взгляд сверкающих синих глаз затянул в зыбучую трясину. Словно сапфиры из моего браслета они искрились и засасывали, погружали на темное дно. Я смело смотрела в потусторонние глаза врага и мысленно молила о быстрой смерти. Но шли секунды, а белые врата Ханаана не раскрывались.

– Твари, – пропищала и одним слитным движением мужчины была перекинута через мощное плечо.

Убежище закружилось перед глазами. Взгляд выхватывал разбросанные по полу тела. Я увидела безжизненную руку... Ту самую руку, что несколько минут назад погладила меня по щеке и накрыла пледом.

Душа разлетелась на острые осколки, и немой крик ужаса застыл в горле. Мне хотелось кричать так громко, чтобы поразить этим криком безжалостного убийцу, смести его с ног звуком, сделать хоть что-нибудь, чтобы навредить. Но с губ срывался лишь жалобный писк. Слезы застили глаза, и я не сразу поняла, что оказалась на улице. Было темно и жутко тихо. Справа блеснул ручей, поглотивший сияние царствующей в это время Луноликой богини. Казалось, даже Вайу от испуга притаился и запутался в листве. А меня безжалостно несли вперед мимо знакомых троп.

Казалось, время остановилось и мелькание перед глазами не закончится никогда, но вскоре захватчик замер. Я увидела часть его кожаного сапога с золотыми острыми шпорами.

– И это твой трофей, Кайс? – раздался насмешливый мужской голос где-то совсем рядом.

– Не густой улов, согласен. Я уже собрался уходить, когда услышал мышинный писк. Лежала и бормотала что-то в углу. Хорошо заметил, – глумливо ответил похититель.

– Мерцающая? – уже серьезно отозвался второй.

– Да, убогая, но мерцающая. Пора отдохнуть. Полетели на прииск. Найдем и ей применение, – с этими словами раздался противный металлический скрежет.

Спиной вниз меня грубо закинули в клетку, как успела уловить боковым зрением. Широкое расстояние прутьев и такая же крыша сооружения позволили рассмотреть ночное небо. Там Лунолика, окруженная мерцающими звездами, лениво отбрасывала холодные лучи. Мягко светила мне в лицо и предвещала беду. Зачем я нужна этим тварям? Как хотят применить мое безжизненное тело?

Клетка пошатнулась и взмыла ввысь, а у меня дыхание сперло, как во сне, когда раз за разом падала со скалы. И тут Вайу разошелся не на шутку, стараясь по сильнее отхлестать меня по влажным от слез щекам. Я щурилась и глотала воздух. Его было слишком много в моем носу и легких. Приходилось дышать ртом, чтобы не задохнуться. Глаза слезились, их резало ветром до острой боли, а в голове так и застыла картина бледной старческой руки на холодном полу подземелья. Так почему же мое неумное сердце до сих пор продолжает биться где-то в недрах мертвого тела? Ему впору остановиться от боли и перестать сражаться за жизнь. Хотелось закричать: Прекрати! Хватит! Но слова застряли в пересохшем горле. Я билась в агонии, заставляя смерть явиться по мою душу и прекратить страдания, сжалиться, наконец, а она смеялась мне в лицо темнотой страшной ночи.

Эта пытка длилась так долго, что я решила покончить с ней собственными силами. Всего лишь надо перестать дышать. Казалось бы, что может быть проще? Но проклятое тряпичное тело сопротивлялось. Не желало покидать этот мир, и всякий раз жадно заглатывало воздух.

Зажмурившись, я застонала, не видимыми руками потянулась к Ваакри, что святым образом застыла в памяти и звала в свои объятия. Я тянулась к ней изо всех сил, но знахарка утонула в сизом тумане, а мне вдруг стало легче дышать.

Ветер поменял направление потока, а клетка спикировала вниз. Где-то рядом ухнул филин, будто специально оповестил о грубом приземлении. Тело подскочило от удара, и я больно ударилась затылком. Застонала и прутья раскрывающейся клетки лязгнули. Меня снова поразили сверкающие глаза врага. Он подтащил меня к краю за ноги и взвалил на плечо.

Я старалась рассмотреть местность, но он слишком быстро шагал, раскачивая меня из стороны в сторону.

– Куда ее, Кайс? В общий шатер? – раздался грубый голос второго.

– Нет. Придушить могут. К себе пока заберу, все равно не убежит, – противно рассмеялся похититель, а я прикусила губу от злости.

– Что б ты сдох, – выпалила в сердцах. Мне нечего терять! Пусть лучше придушат!

Мужчина остановился и рассмеялся еще громче.

– У мышки прорезался голос, – ехидно подметил тот, кого второй назвал Кайсом.

– Может, она еще ползает и кусаться умеет? – продолжали они глумиться над беспомощной жертвой, как позорные падальщики. – Смотри, пальцы ей в рот не суй. Агрессивная особь.

Особь! Вот твари! Уроды проклятые!

– Да куда ей ползать, Берн, смердящая пустышка ничего не чувствует от груди, – громко расхохотались.

– Поганое племя! На каждого кипящий котел найдется! – вырывалась из меня вся ярость и боль.

– Забавная, правда? – подначил дружка Кайс.

– Надо отмыть и развлечься, – гаденько подметил Берн и ухватил меня за подбородок. Я с отвращением и лютой ненавистью посмотрела в ярко-алые глаза твари.

– Да она полумертвая. Если только на веревки подвесить и управлять, как марионеткой.

Снова раздался противный гогот, и Берн отвесил мне легкую пощечину, но и от такого удара голова едва с плеч не слетела.

– Не трогай! Хватит с нее, – заступник поганый! – Пришли ко мне Имина, посмотрим, что можно с этим сделать, – и потащил куда-то дальше.

Видит Солнцеликая, будь тверда моя рука с клинком в ладони, ценой собственной жизни воткнула бы сталь в его плоть до самой рукояти и с удовольствием прокрутила, чтобы скорчился от боли!

Яркий свет резанул по глазам и полог шторы лизнул грубой тканью по лицу. Кайс скинул меня на топчан, как испорченную игрушку и подошел к столу у очага. Я бегло осмотрела убранство, что до боли напомнило лесную лачугу Ваакри. Деревянные полы и стены, печь в

углу, почти потухший очаг в центре комнаты и пьянящий аромат, исходящий из котелка. Чуть поодаль от стола массивная кровать и полки со склянками над ней. Два маленьких окошка с потрепанными шторками. В крыше отверстие каменного дымохода. Где мы, понять было сложно, но явно в какой-то глуши, возможно, еще в меньшем поселении, чем родной Амраас.

Пока разглядывала лачугу, успела и захватчика со спины рассмотреть. Крыльев, которые описывала Ния, не наблюдалось. С виду обычный здоровый мужик с темными волосами, достающими до плеч. Крепкая мускулистая фигура обтянута тесным черным одеянием, похожим на тонкую кожу. Широкий пояс с пришпоренным к нему загнутым кинжалом. Стоячий воротник на рубашке, острым краем выглянул из-под уха, когда захватчик повернулся боком. Наполнил кружку водой и пошел на меня.

Грубо, с отвращением, принохиваясь, приподнял мою голову и приложил край кружки к губам.

– Пей! – распорядился, а я отчаянно сжала зубы в протесте. Плевать, что умирала от жажды. Не впервой терпеть лишения.

– Душегуб, – процедила через зубы.

В этот раз старалась не смотреть в поганые озера синих глаз. Ния не соврала, когда говорила, что твари красивые. Идеальная чистейшая кожа, правильные, будто выверенные искусным художником, черты лица. Чувственные губы и волевой подбородок. От того еще противнее осознавать, что красивое внешне существо способно безжалостно убивать себе подобных.

– Пей, а то выкину в лес, – сказал таким спокойным тоном, что стало жутко. И я сразу поняла, что угроза вмиг может воплотиться в жизнь.

Приоткрыла рот и выпила половину чашки. Мотнула головой, давая понять, что напилась.

– Кто вы? – спросила, когда мужчина отстранился.

– Эсперы, – ответил будничным тоном.

– Что вам нужно?

– За тобой, мышка, в ваш прогнанный мир спустился, – усмехнулся и устремил взгляд на вход в лачугу.

– Имин на Корундовом руднике, но скоро должен прилететь, – узнала я голос гада, что ударил меня по лицу.

– Ладно, иди, – махнул рукой дружку и покосился на меня не добрым взглядом.

Глава 6

Оставшись наедине с чудовищем, вальяжно расхаживающим по комнате, думала лишь о том, что ждет меня впереди. Не понимала, что ему от меня надо и почему не убил еще в убежище. Что толку от говорящей головы? Разве что и правда за веревки подвесить бесчувственное тело и дергать марионеткой на потеху публики.

Кайс разделся по пояс и прошел мимо, сверкая горой мышц на крепком торсе. Склонился над сундуком и достал большой обрез голубой ткани. Подошел ко мне и укрыл до шеи. Задумчиво взгляделся в мое лицо.

Хотелось тут же отвести взгляд, но я не собиралась показывать страх перед врагом. Смотрела смело, с вызовом, пускай это было смешно и напоминало предсмертный трепет слабой мухи в сетях огромного паука, но я морально никогда не склоню голову перед захватчиком. За родину буду радеть до конца своих дней.

Он долго смотрел на меня, не моргая, потусторонним взглядом проникал в нутро и выворачивал наизнанку. А потом вдруг занес ладонь над моей грудью и плавно опустил ее на ткань. Черные зрачки сузились до крохотных точек, и белки глаз заволокло сапфировым сиянием. Я остекленела и затаила дыхание. Казалось, этот жуткий взгляд убьет меня на месте, как и остальных в обители, но ничего не случилось. Как только эспер отнял от меня руку, его глаза вновь вернулись в прежний вид.

– Кто это сделал с тобой? – вдруг спросил, указывая на всю меня. Отошел на шаг назад и с прищуром склонил голову набок.

– Жизнь, эспер Кайс, – выплюнула его имя со злостью.

Он иронично улыбнулся.

– Давно?

– Година прошла с того дня, – ответила честно. Какой смысл что-то придумывать?

– Ты тэрра? – только сейчас уловила легкий акцент в его словах. Чужаки на удивление в совершенстве владели нашей речью.

– Да.

– Хорошо. Спи. Придумаю, что с тобой делать, – махнул на меня рукой, будто разочарован ответами.

Прошел к кровати и завалился на спину, закинув руки за голову. Я же молча смотрела на огонь в очаге и не могла уснуть. От страха, что поселился внутри не спрятаться, не скрыться. Моя жизнь в руках врага, и какую участь он мне уготовил, неизвестно. Поиграется и бросит шакалам на растерзание? В лес, как обещал? С меня и взять-то нечего. Из самого дорогого только сапфировый браслет на безжизненном запястье. Но Кайса он вовсе не заинтересовал. Интересно, что его смутило в моей расе, и почему крылатый назвал меня мерцающей? Да что им вообще нужно от нашего мира?!

В глубоких раздумьях под треск костра провела остаток ночи, а под утро сморило сном. Впервые за долгое время мне ничего не приснилось. Пустота и темнота. Наверное, Солнцеликая так дает понять, что пришел конец моей никчемной жизни. Глупо ждать милости от жестоких захватчиков.

В полудреме я услышала, как эспер ходит по скрипучим половицам, но глаз не открыла. Пусть думает, что все еще сплю. Хотелось как можно меньше привлекать внимание крылатого. Пугал меня его синий взгляд и грозный голос. Казалось, в любой миг может придушить одной рукой без предупреждения или испепелить взором. От чего-то именно здесь в совершенно незнакомом месте в лапах чудовища захотелось жить так сильно, как никогда. Я мысленно

цеплялась за последнюю ниточку, что удерживала меня на этом свете. Только кто будет заботиться о калеке? Уж явно не захватчики, которые преследуют какую-то свою цель.

– Приветствую, Кайс! – в хижину с порывом ветра ворвался новый не знакомый мужской голос.

Я нервно сглотнула слюну и зажмурилась сильнее.

– Имин! И тебе доброго дня! – послышались хлопки, как при крепких мужских объятиях. Похоже, этот Имин очередной дружок моего похитителя. – У меня для тебя работа. Осмотри девчонку. Не ходячую мерцающую нашел на обратном пути. Хорошо бы использовать по назначению.

Меня сразу смутило это «по назначению», но не успела опомниться, как острый край ткани резанул по горлу. С меня явно смахнули покрывало.

– У-у-у, Кайс, ты где ее откопал? Пролежни, язвы, – он что, уже успел сорвать с меня и ночную рубашку? Стыда не испытала, давно привыкла к тому, что тело мне не принадлежит, но смутилась. – За ней плохо ухаживали, – а вот это не правда! Ваакри делала для меня все! Заботилась, как о кровиночке родной.

Вдруг ощутила прикосновение горячей руки на затылке, и резко бросило в пот. Казалось, сковородой раскаленной огрели.

– С захвата летели. Там обитель для убогих рядом с Корундовой долиной показалась. Они прятались в подземелье... – он говорил, а я вновь окунулась в жуткие воспоминания. Не стерпела душевной боли, не сумела остановить слез. Просочились сквозь щели, окутывая влагой трепещущие ресницы.

– Травма серьезная, но на ноги поставить смогу, – после этих слов я невольно распахнула глаза и столкнулась лицом к лицу с мужчиной. Тоже эспер. Сразу стало понятно по необыкновенным слишком ярким для обычного человека глазам. Они будто сочная трава на лугу светились зелеными отблесками. – Придется отдать всю силу. Потом нужны будут камни для восстановления. Уверен, что хочешь их на нее потратить? Проще тихо утопить, чтобы не мучилась. Вряд ли она сразу работать сможет.

– Жить захочет, сможет, – где-то сзади раздался насмешливый голос. – Лечи.

– Как знаешь, – пожал плечами зеленоглазый. – Подойди. Держи за ноги, ее может начать лихорадить.

Все происходило словно во сне. Я увидела, как похититель схватил меня за щиколотки, а другой эспер склонился над головой. А может, я действительно сплю, и мне это мерещится? Но как тогда объяснить свет, исходящий из зеленых глаз и врезающийся в мои зрачки узкими тоннелями. По ним будто пылинки блессток кружили в вихре и оседали на поверхности моих распахнутых глаз. Оседали и создавали тонкую сизую пелену, через которую виднелся лишь образ мужчины. А когда и он растворился, пугающая темнота окутала сознание. Стало так спокойно и тепло, что захотелось навсегда остаться в этом состоянии. И тут вдруг от макушки до кончиков пальцев меня прошибло дикой болью. Столь сильной и невыносимой, что сердце на миг перестало биться.

Боль прошла волной по всему телу, стихла и впустила на свое место мерзкое чувство покалывания. Наверное, так жалит полчище ос. Казалось, кожа покрылась водянистыми волдырями, которые лопаются и исторгают из себя кровавую жижу. Нестерпимо настолько, что из уст вырвался безумный крик.

– А как ты хотела? Только через боль, девочка, – назвал меня Имин так, как когда-то Ваакри, от чего я силой сомкнула зубы. – Молодец. Терпи. Сейчас пройдет.

Но не проходило! Я заживо горела, точно как в последнем сне, когда спасением стал прыжок со скалы в объятиях захватчика. И сейчас я больше всего на свете жаждала оказаться в холодной воде. Пусть и на самом дне того проклятого озера.

– Крепче держи!

Все! Это уже предсмертная агония! Я не вытерплю, не справлюсь, сердце не выдержит.
– Помогите, – сумела выдать из себя стон.

– Терпи! – прикрикнул эспер и из меня вышел весь воздух.

Тьма медленно рассеивалась, и волны боли стихали. Позвоночник пропоролось копьем точно как в миг рокового удара. Треск раздался в ушах. Я жадно задышала, когда свет полоснул по глазам. Зрение возвращалось, являя образ Имина.

Я почувствовала!

– Я чувствую! – закричала вслух.

О, Солнцеликая! Это невозможно! Тело вернулось в мою власть и первое, что я ощутила кожей – прикосновение сильных рук похитителя. Его ладони сжимали мои лодыжки. Сжимали до той приятной боли, которой мне так не хватало!

– Вот и все, девочка, вставай, пойдешь, воды попей, – я давно смирилась с тем, что больше никогда не услышу этих слов, давно распрощалась с прежней жизнью. А сейчас схватилась пальцами за края топчана и поднялась, села и свесила на холодный пол босые ноги. И никакими словами не передать то чувство, что посетило меня в этот миг. Сегодня в логове врагов я заново родилась.

Глава 7

– Иди, не бойся, – указал зеленоглазый на стол в конце комнаты.

Я прикинула расстояние, и оно показалось мне непостижимым. Сесть, села, а вот взять и подняться на ноги... Сделать первый шаг...

Одолел первобытный страх. Вдруг, если совершу еще одно движение, снова затрещит в ушах и спина не выдержит нагрузки? Лучше умереть, чем, вкусив мечту, опять от нее отказаться. Такого больше пережить не смогу.

– Просто встань и иди, – настаивал он, наблюдая за мной со стороны.

Я смотрела на глиняную чарку с водой и не верила, что сумею до нее добраться. Со злостью на собственную нерешительность стиснула кулаки и улыбнулась тому, что чувствую, как в кожу ладоней впиваются ногти. Оно живое! Это правда! Мое тело подчиняется приказам! Надо попробовать, иначе как узнать, на что способна.

Во рту образовалась пустыня. Лютая жажда подхлестнула, прибавила смелости и подтолкнула к действию. Будто рука самой Солнцеликой помогла мне сначала сторбившись встать, затаив дыхание, а потом выпрямиться и сделать долгожданный первый шаг.

Ноги затряслись со страшной силой от напряжения и колени подкосились. Я уже машинально выставила ладони вперед, чтобы смягчить падение, но в сантиметре от пола меня поймала чужая сильная рука.

Я посмотрела на спасителя с удивлением и злобным прищуром. Грозный Кайс проявил участие и не дал мне упасть. Почему? Жалость? Нет. Скорее развлечение. Подхватил за талию и поставил прямо свою живую отремонтированную игрушку. Отнял руку и позволил вновь попробовать самой.

В этот раз я оставила спешку и аккуратно ступила на дощатый пол. Ощутила голый ступней каждую выбоину и шероховатость дерева. Прикусила палец и почувствовала собственную влагу на коже. Не смогла справиться с эмоциями и рассмеялась, как обезумевшая.

– Как так? – обратилась к спокойно стоящему неподалеку Имину.

Он не ответил. Уже явно потерял интерес к происходящему и куда-то спешил, поглядывая на выход. Качнул головой в сторону и пальцем указал Кайсу на свою грудь. Я не поняла, что означал этот жест. Да и какая разница? У меня есть дело поважнее немых переговоров крылатых вражин.

– Скажи Берну, чтобы открыл хранилище. Возьми столько, сколько нужно для полного восстановления, – отмахнулся эспер от дружка, выпроводил его из лачуги взглядом и все свое внимание направил на меня.

Следил пристально. Разглядывал со всех сторон с неподдельным интересом. Сначала не поняла, с чем связано такое повышенное любопытство, но до меня быстро дошло. Во время лечения мужчины раздели меня наголо, и сейчас я ступала по полу в полном неглиже. Но даже такое досадное недоразумение не могло расстроить мою великую радость.

Было плевать, что осталась с грозным захватчиком наедине в таком виде. Ради нового глотка жизни можно и потерпеть его лютый взор. Неуверенно, но смело я шагала вперед. Показывалась, ощущая слабость в мышцах. И каждый раз, когда сил не хватало, когда валилась со слабых ног, эспер подставлял свои сильные ладони оберегом. При этом не забывал поглядывать на обнаженную грудь, чем несказанно смущал и раздражал.

Настал миг, когда мне стало не по себе в присутствии крылатого. Захотелось стрелой вылететь наружу и с головой накрыться пледом. Но для начала следовало научиться ходить. Я собрала волю в кулак и дошла до стола без его помощи. Обхватила чарку ладонями. Ее вес сначала показался неподъемным, руки задрожали, пальцы оледенели. Но я справилась! Подра-

гивая, поднесла сосуд к губам и впервые за долгое время напоила саму себя. Захлебнулась, прокашлялась, поставила чарку обратно, обернулась и с восторгом улыбнулась своему похитителю.

– Вот и чудно, – окинул меня оценивающим взглядом, чем мигом сбил всю спесь неожиданного счастья. Уголки губ так и опустились. Разум больно ударил о дно реальности. Я совсем забыла, где и с кем нахожусь. – Кара! – окликнул кого-то эспер.

Тут же голова пожилой женщины, покрытая белой косынкой, заглянула в хижину. Она отдернула полог, что служил дверью, переступила через порог и согнулась в поклоне перед врагом.

– Забери новенькую. Сейчас же отведи в душевую, выдай одежду и выдели место в общей палатке, – отдал четкие указания и отшатнулся от меня, как от прокаженной. Схватил с топчана голубую ткань, которой укрывал меня ночью и швырнул в лицо. Я ухватилась за край и набросила ткань на плечи подобно плащу. Запахнулась, скрывая наготу.

– Да, господин, – проскрипел противный голос остроносой тучной тетки.

Женщина в миг сорвалась с места, бесцеремонно схватила меня за руку и потащила за собой.

Я спотыкалась, едва не падала, но из последних сил удерживала равновесие. Цеплялась за тетку мертвой хваткой и оглядывалась на захватчика, который провожал меня безразличным взглядом.

– Она мерцающая. Сегодня сильно не нагружай, – снизошел до уточнения, – а завтра отправь со всеми на прииск.

– Да, господин, – повторила Кара и вывела меня наружу.

Я не ожидала, что крыльцо хижины окажется таким узким и нога тут же соскользнет на ступеньку. Будто специально именно в этот миг женщина откинула мою руку и отступила в сторонку, дабы не мешать мне кубарем влететь в новую жизнь. Мир пошатнулся и неумолимо перевернулся. Успела лишь прикрыть голову руками, ожидая болезненного столкновения с землей. Но вновь кто-то сильный подхватил за талию и поставил на ноги.

– Кара! Куда ты смотришь?! – я вся заледенела от страха, услышав рычащие нотки в металлическом голосе мужчины. – Головой за нее отвечаешь! – подпихнул меня к женщине, что раскраснелась и больно ухватила меня за запястье. – Поняла?!

– Да, эспер Кайс, – страх и трепет перед захватчиком тонкой нитью прошел каждое ее слово. Сухие цепкие пальцы смыкались на моем запястье змеиными кольцами. Кисть побледнела, и боль врезалась под кожу.

Я терпела и смотрела на разъяренного мужчину с тревогой. Казалось, его сапфировые глаза сверкнули, и мы с теткой рухнем замертво. Она тихо застонала и сторбилась. Только тогда я поняла, почему женщина с такой силой держит меня за руку. Это красивое чудовище причиняет ей боль одним взглядом.

– Пошла вон! – сказал, как ударил и вернулся в хижину.

Как только Кайс скрылся из виду, тетка выпустила мое несчастное запястье из захвата. Я пискнула, наблюдая, как по тонкой коже расплзаются багровые пятна.

– Иди! – толкнула в спину и тут же удержала за шкуру, чтобы я не свалилась. – Дрянь, – шепнула мне на ухо. – Что б ты сдохла, подстилка, – я в ужасе округлила глаза.

– За что вы так со мной? – только хотела обернуться и посмотреть женщине в лицо, как она вновь уже больнее толкнула меня в спину кулаком.

– Рот свой поганый закрой и ступай, – прошипела в затылок гадюкой. Только тогда я узнала присущие горгам интонации в ее голосе. Значит, и до их земель захватчики добрались.

Не стала пререкаться со злой Карой и заткнулась. Медленно шла по мягкой траве, с восторгом улавливая необыкновенные ощущения. С любопытством разглядывала местность, стараясь понять, в чьих землях нахожусь.

Хижина похитителя оказалась почти точной копией других деревянных домиков, расставленных полукругом на огромной поляне. В сердце поселения раскинулся восьмигранный шатер с зеленой купольной крышей. Подвязанные к столбам пологи ткани извивались на ветру и открывали проход к длинному массивному столу со скамейками. Какие-то девицы в косынках сновали внутри, гремя тарелками. Чуть поодаль раскинулась большая полевая кухня. Оттуда шел одурманивающий аромат пряностей. Слева от шатра стояло чудатое сооружение. На толстой деревянной ноге с выбоинами в виде лесенки находился круглый шар, сотканный из веток. Его охранял тот самый Берн с красными глазами. Вылитым из мрамора стражем он стоял под пыльными лучами солнца с голым торсом.

Пока разглядывала центр поселения, не заметила, как мы с Карой прошли мимо лачуг и добрались до черной квадратной палатки с металлической бочкой на крыше.

– Иди мойся, змеище, – выплюнула со злостью.

Я не понимала, почему она меня возненавидела, даже не зная, кто я такая и как здесь оказалась. Что я ей сделала плохого? Ума не приложу! Но обиду проглотила и приоткрыла плотный полог.

– Одежду и обувь принесет Таура. Дождись ее и не высовывайся, пока не позовет. Девка покажет твое спальное место и накормит.

– Спасибо, – с благодарностью посмотрела в карие глаза злюки. Она скривилась, будто получила от меня оплеуху и жестом велела скрыться.

Я вошла в полумрак и сходу ощутила запах сырости. Больно наткнулась пальцем ноги на ножку скамьи и села на нее. Растерла ладошкой ушибленное место и увидела низкую ширму. Двинулась туда и очутилась в довольно просторном помещении с деревянными поддонами и кранами, торчащими из потолка. Скинула с себя ткань и аккуратно свернула ее четким квадратом. Отложила в сухое место и пошатнулась на месте. Каждая мышца напряглась, натянулась струной до тянущей боли, но я вновь сумела удержаться на ногах. Обрадовалась своему достижению и гордо выпрямилась.

В дощатом полу обнаружила вентиль. Семь потов сошло, пока его открыла, но наградой стал обрушившийся с потолка поток теплой воды. Я так и вытянулась ростком, раскинув руки в стороны, и с наслаждением закрыла глаза. Подставила лицо под воду, жадно хватая ртом капли. Глотала и улыбалась от счастья, чувствуя каждый участок своего тела.

Когда эйфория от первых ощущений прошла, нашла благоухающее цветами мыло рядом с вентиляем. Принялась тщательно втирать его в кожу, смывая с себя грязь прежней жизни. Ощупывала и разглядывала свое тело. Не нашла ни единой язвы, о которых говорил Имин. Только на запястье проступали синяки от хватки тетки Кары. Что же за магией такой безграничной обладает эспер, если так быстро поставил меня на ноги?

Кожа и волосы уже скрипели от чистоты, когда нашла в углу тумбу с зеркальцем и гребнем. Увидела в отражении свое лицо, а ведь за минуту почти забыла, как выгляжу. В храме было не принято смотреться в зеркало. Считалось грехом, ведь любоваться надо не собой, а изваянием Солнцеликой. Зато сейчас я вдоволь налюбовалась и была удивлена здоровому цвету кожи, пышным черным ресницам, обрамляющим голубые глаза, и четко очерченным губам. Тщательно расчесала черные волосы, спускающиеся ниже плеч. Сколько Ваакри их не обстригала, а росли они очень быстро.

И вот когда поняла, что полностью закончила приводить себя в порядок, вернулась в предбанник и села на скамью в ожидании Тауры, как приказала тетка Кара.

Глава 8

– Новенькая, ты здесь? – я встрепенулась и подскочила с места, но тут же рухнула обратно. Прикрыла грудь рукой, как только девушка вошла в душевую.

– Да, – отозвалась на задорную улыбку белокурой низкорослой и худенькой девчонки. Подтащила к себе свернутый обрез ткани.

– Ух! Какая ты красивая, – воскликнула с детской непосредственностью, окинула меня оценивающим взглядом и вручила одежду. Босоножки опустила на пол у моих ног и села на край скамьи.

Вновь одарила меня белозубой улыбкой и поправила воротничок зеленого платья простого мешковатого кроя с пояском-лентой. Я взглянула на предоставленные вещи и поняла, что мне досталось такое же.

– Я – Таура, а ты?

– Мэлори, – протянула ей руку для пожатия. Она с удовольствием ответила и благоклонно кивнула. В этот миг чем-то напомнила мне младшую сестренку.

– Так это тебя наш генерал притащил ночью?

– Меня, – пожалала плечами и начала одеваться.

Отыскала тонкое белое белье и неумело натянула. Руки позабыли, какого это – одеваться самостоятельно.

– Где попала? – любопытство так и горело в светлых глазах Тауры. Ну, точно моя Алаида.

– В Изумрудной обители. Мы спрятались в убежище под храмом. Никто не выжил, кроме меня, – дрогнул голос, и воспоминание вызвало ту невыносимую боль, от которой раньше меня оберегало недвижимое тело. Теперь я сполна ее хлебнула, чувствуя, как сердце заходится и силой бьет по ребрам.

– И родом оттуда?

– Нет. Я тэрра из Амрааса...

– О! – подскочила она с места. – Я тоже тэрра. Среди наших мало мерцающих. Тебе повезло.

– Повезло? – смутилась, окинув печальным взглядом предбанник.

– Конечно! Мы помогаем эсперам добывать живые камни. Кара тебе не рассказала, кто ты теперь?

Я покачала головой, дрожащими пальцами ощупывая края платья в поисках проймы.

– Вот жаба, – насупилась блондинка. – Она ненавидит мерцающих. Как же она нас всех уже извела, – картинно стерла пот со лба тыльной стороной руки. – Но среди пленных лагеря генерала Кайса Магьера она главная. Заправляет тут всем и время от времени лупит. Смотри, – оголила она плечо и показала глубокую свежую рану. – Лупит, а потом говорит, что это мы на прииске поранились. И попробуй эсперам пожаловаться! Сгноит, и опомниться не успеешь. Так что с ней будь осторожнее. Если ее наругают из-за тебя, считай, в Ханаан путь заказан. Мстительная тварь.

Я взглянула на саднящее после стального захвата запястье и нервно сглотнула.

– Этот ваш генерал уже наказал Кару из-за того, что я чуть не упала с лестницы. Он посмотрел на нее, а она так согнулась, скривилась...

– А! Это он магию применил. Одним взглядом такую боль может вызвать, что лучше бы шею свернул. Я на себе не испытывала, но девки рассказывали. Не терпит он не подчинение, даже своих вояк так воспитывает. М-да, плохое для тебя начало, Мэлори, – почесала она заты-

лок, психанула и вырвала из моих рук одежду. Вмиг нашла горловину, и умело натянула мне на голову платье. Дальше я разобралась сама.

– Давно ты здесь?

– Да уже четвертый серпий пошел, – зашла она мне за спину и завязала поясок платья. – Ты не пугайся. Жить можно, если не выпячиваться, исполнять волю эсперов и усердно трудиться. Страшное начнется, когда они камней вдоволь наберут. Поговаривают, рядом с Шаарадом был такой же прииск. Генерал того войска, когда камней в реке не осталось, всех пленных уничтожил, а оставшихся мерцающих пораскидал по другим приискам. Так к нам попала Каспиана. Вся из себя важная из сиятов родом. Сразу главной среди мерцающих стала. Опыт большой да и шашни крутит с одним из эсперов. С ней тоже лучше не пререкаться. В общем, держись меня и не ной, – похлопала меня по плечу.

Наклонившись, я надела на голые ступни кожаные сандалии и взглянула на девушку снизу-вверх.

– Так они за этими живыми камнями в наш мир спустились?

– Думаю, да, а там кто их знает, – развела руками. – Идем, пока Кара не спохватилась.

Я подобрала ткань – мою первую одежду в новой жизни, и двинулась следом за девушкой.

После душа стало легче дышать в этой невероятной жаре и сил ногам и рукам прибавилось. Я шла за Таурой почти не спотыкаясь. Но голодный желудок сводило болезненными спазмами. А от запахов, что приносил с собой ветер, мутнело в глазах. Я не успевала сглатывать набежавшую слюну, а жизнерадостная девушка размахивала руками, показывала то одно, то другое и велела запоминать дорогу к общей палатке.

– Вон там загон для амфисер. Они носят по воздуху и по земле клетки с пленными. За ними ухаживают караульные эсперы. Твари привязаны к хозяевам и не подпускают к себе чужаков, – я остановилась, чтобы лучше рассмотреть тех самых амфисер и была поражена. Никогда не видела подобных существ. Размером с целую лошадь змеи имели металлические ошейники, впивающиеся в чешуйки и были привязаны к толстым столбам. Взрыхливали когтистыми короткими лапками землю, бодались загнутыми острыми рогами и шипели так громко и угрожающе, что я отшатнулась. Но, несмотря на устрашающий вид тварей, их окрас завораживал. Один ярче другого, будто некто для потехи раскрасил их самыми ядовитыми красками, что удалось найти. – К ним лучше не приближаться, укусы ядовиты. Крылья вырастают из хребта по приказу хозяина. В ночи, по велению эспера, становятся невидимыми всем, кроме хозяина...

– Так это?.. – хотела задать Тауре вопрос, но она опередила с ответом.

– Вон та пурпурная, – указала она пальцем на свернувшуюся на земле кольцами змею так до боли напоминающую цветом вересковую поляну в Лихолесье, – амфисера генерала Кайса. Это она принесла тебя ночью в клетке. Верба у нас самая спокойная. Я однажды ей мышь через забор бросила, и она не побрезговала, слопала. Но тебе не советую это повторять, – улыбнулась и погрозила пальчиком. – Идем скорее!

Мимо нас с накрытым тряпкой ведром прошел полуголый эспер и направился к загону. Не успела я проследить за ним взглядом, как Таура схватила за руку и потащила дальше.

– Смотри, – чуть поодаль от стойла амфисер расположилась большая тканевая палатка, – Там живут мерцающие, а там, – указала на вторую такую же рядом, – Кара и остальные пленные, которые работают на благо лагеря. Я уже застелила тебе койку, пойдем, покажу.

Мы приблизились к палатке, и я с ужасом столкнулась взглядом с теткой Карой.

– Меньше болтай, Таура! – подбоченившись, прикрикнула женщина, потуже затянула косынку и направилась к центральной части поселения.

– Везде у нее глаза да уши, спасу нет, – цокнула языком девушка и впустила меня в палатку. – Выделила тебе самую паршивую койку на входе, жаба мерзкая, – указала на топчан, о который я едва не споткнулась. И правда, на самом входе. – Зато я белье тебе чистое без

дыр достала, – похлопала она по краю койки, – и подушку поплотнее выбрала. Располагайся. Скоро услышишь сигнал на завтрак. Сразу выходи, завернешь за палатку. Там стол для нас накроют. Остальные уже затемно с прииска придут. Меня сегодня в лагере оставили, чтобы рану обработать, – с шипением повела больным плечом. – Побегу я, а то эскулап заждался.

– Искренне благодарю за заботу, Таура, да хранит тебя Солнцеликая, – осенила девушку святым кругом.

Она лишь улыбнулась в ответ и умчалась.

Я села на топчан, положила ткань под подушку и обвела взглядом комнату. Койки стояли стройными рядами с узкими проходами, и больше ничего здесь не было. Я насчитала тринадцать мест вместе с моим. Вот, значит, сколько нас, мерцающих. Знать бы еще, что там где у меня мерцает, от чего сам генерал эсперов не пожалел драгоценных живых камней для калеки. Поставил на ноги, чтобы вместе с другими добывала столь важную для их расы породу. Неужели это все, что им нужно от нашего мира?

Глава 9

Пребывая в раздумьях, я смиренно сидела до тех пор, пока не услышала звонкую трель колокольчика. Сообразив, что это и есть сигнал на завтрак, по навету Тауры вышла из палатки и обогнула ее по правой стороне. Увидела длинный деревянный стол и приземлилась на скамью. Заозиралась в поисках хоть одной живой души и вскоре появилась высокая девушка в косынке и белом переднике. Она ловко удерживала поднос, заставленный кухонной утварью, на одной руке.

– Доброе утро, – первой поздоровалась с незнакомкой.

Она и не глянула на меня. Наспех расставила две тарелки, ложки и кружки. Ушла, вильнув хвостом длинного серого платья.

Я пожалала плечами, удивляясь столь не радушному приему. Все-таки я так же как и она оказалась в плену. Разве не лучше поддерживать друг друга в такие не легкие для всего мира времена?

Вскоре девушка вернулась с двумя ведрами. Пыхтела и надрывалась. Со взмокшим недовольным лицом поставила ношу на край стола и смахнула с ведер тряпки. Ухватила за тарелку, плюхнула в нее половник белой каши и так же поступила со второй. Потом наполнила кружки ароматным взваром и снова согнулась под весом ноши. Поковыляла в сторону другой палатки, с которой доносились женские голоса.

Наверное, мне следовало дожидаться Тауры, но желудок отказывался от жестокой пытки временем. Лютый голод заставил наброситься на самую вкусную в мире молочную кашу. Даже в обители на завтрак варили хуже. А взвар так и вовсе порадовал сладостью терпких ягод. Я жадно пила и урчала от удовольствия. А когда вытряхнула в рот попавшую в напиток ягоду, чтобы с удовольствием ее разжевать, появилась Таура.

– Фух! Еле успела, – плюхнулась она на скамью напротив и подтащила к себе тарелку. Набросилась на еду так же, как я недавно.

– За что она тебя? – я указала на плечо девушки.

– Болтаю много, – ответила с набитым ртом. Запила последнюю ложку каши и подалась вперед. – Не любит она мерцающих. Считает, из-за нас вся беда в мире. Вот и злится, лупит каждый день. А в чем мы виноваты? Я и знать не знала, что умею видеть и добывать эти проклятые живые... – она резко замолчала. Кинула взгляд мне за спину. Я обернулась и увидела девушку в косынке.

Она мигом смела грязную посуду на поднос и ушла.

– Райя то же такая как Кара, – еле слышно шепнула Таура, продолжая смотреть куда-то вдаль. – Презирает и шпыняет при любом удобном случае. Но злится она больше из-за того, что генерал на нее внимания не обращает. Влюбилась дуреха в Кайса, представляешь?

– Фу, – вылетело непроизвольно, когда представила нашу девушку в постели захватчика.

– А че фу-то? – рассмеялась болтушка Таура. – Красивый, сильный, властный. У нас тут пол лагеря тайно по нему вздыхает, а он холодный, как каменная глыба. Вот и бесятся девахи.

– И ты вздыхаешь? – хитро подмигнула, а сама подумала, это как низко надо пасть, чтобы испытывать чувства к убийцам, прокатывающимся по нашему миру волной боли и разрушений? Надо искать способ уничтожить врагов, а не мечтать о них. А то, что этот Кайс поставил меня на ноги, не умоляет того, что он сделал с ни в чем не повинными, беспомощными послушниками. С моей Ваакри сделал...

– Ой, брось! – раскраснелась и отмахнулась. – Я в любовь не верю. Выжить бы, – тяжело вздохнула и погрузилась.

– Не поняла! – я скукожилась вся от крика и с опаской обернулась. Разгневанная тетка Кара стояла, широко расставив ноги, с плетью в руках. – Я бегать за вами должна?! А ну марш в свою нору, мразоты! И чтобы носы до обеда наружу не высовывали!

Эта женщина вмиг научила меня прыгать и бегать. В порыве страха тело позабыло, что ему еще сложно совершать такие резкие движения.

Залетев в палатку, сходу упала животом на свой топчан и Таура так заразительно рассмеялась, что я вместе с ней хохотом зашлась.

– Весело вам, курвы? – ворвалась Кара и со всего маху хлестанула меня плетью по оголившейся ноге.

От резкой боли потемнело в глазах и затошнило.

– Будешь знать, падла, как подставлять меня перед эспером, – прошипела и ушла.

А я со стоном перекатилась на спину и поджала ногу. Таура соскочила с места и подбежала ко мне.

– Дай гляну, – силой разжала мои пальцы и прижала ладонь ко рту, когда увидела рассеченную до мяса рану на голени. – Сейчас, не плачь только, погоди, – подбежала к своему топчану и выудила из-под койки тряпичный сверток. Вернулась ко мне и развернула ткань. Достала мешочек, насыпала серый порошок мне на рану, и стало немного легче.

– Это от боли помогает, но не лечит. Тебе надо к нашему эскулапу пойти и...

– Нет. Она мне отомстила. Я хочу на этом закончить войну. Никто не должен узнать, пожалуйста, Таура, – взмолилась, пока она перевязывала рану лоскутом.

– Я могила, – кивнула девушка. – А что конкретно случилось? Как это было? И вообще, расскажи, как в обители оказалась?

Я обняла подушку и нехотя погрузилась в страшные воспоминания. Начала рассказывать ровно с того дня, который разделил мою жизнь надвое.

Болтушка Таура слушала меня молча с открытым ртом, а в конце даже всплакнула, и я вместе с ней.

Мне Ваакри вовек не забыть и враг поплатится за это. Притаюсь мышкой и дождусь подходящего момента, чтобы нанести сокрушительный удар. И бить надо по их генералу, найти его слабое место и уничтожить, чтобы гад больше никогда никого не погубил своим смертельным взглядом.

– Не будем больше обо мне, – вымученно улыбнулась. – Теперь ты расскажи, как сюда попала?

– Я, – опустила она печальный взгляд и поджала губы, точно как моя сестренка делала, когда что-то рассказывала, – родом из Корундовой долины. Тут до моего поселка рукой подать. Крааль Роса, что за Туманной рекой. Слышала о таком? – я замотала головой. Никогда за пределы Амраса не выезжала, кроме того дня, когда Ваакри забрала меня на повозке в обитель. – Войско Кайса с нашего поселка и начало захват долины. Только генералы с даром убивать взглядом, могут видеть в нас мерцание. Уж не знаю как, но это правда. Из всех жителей Крааль Росы только я мерцала. Кайс рвал и метал. Сравнял с землей наши дома, убил мужчин, а женщин и детей погнали в лес. Это в последнее время он все больше шадит земли и людей. Камней гору набрали и немного успокоились. Но мне было не жаль жителей села. Я от них такого натерпелась за последнюю годину, что сама бы не прочь подвесить мужиков на деревьях в один стройный ряд, – смахнула она горькую слезинку.

– Почему?

– Это случилось в великий день затмения. Я долго к нему готовилась. С того дня, как осиротела еще в детстве и меня на воспитание взяла местная ткачиха – тот еще волк в овечьей шкуре, влюбилась в мальчишку. Мы были не разлей вода с сыном пастуха. Повсюду вместе бегали, а когда повзрослели, впервые поцеловались под ивой у пруда. Счастье во мне било через край. Решила я рубашку избраннику вышить. Хоть и у ткачихи жила, а вышивке меня

не научили. Пришлось долго мучиться с этими проклятыми нитками, но в итоге что-то получилось. Я ж, дура, обрадованная побежала на праздник и вручила ему подарок. Он мне в ответ браслетик надел, – глянула она на мой, – не такой богатый, как у тебя. Без камней драгоценных. Только цепь тоненькая, но я и тому обрадовалась. А то засмеяли местные девчонки рубашку из-под моей руки. Думала, не примет избранник такую неумеху. Но он поцеловал меня в щеку и повел к костру. Мы смотрели на завораживающие хороводы и что-то пили. Сначала подумалось, вино он мне в чарку подливал, а потом голову туманом так заволокло, что опомниться не успела, как на сеновале очутилась. И хотела ведь отпихнуть, но куда мне против сильного мужика? Так и насильничал меня невинную. А наутро, когда нас его отец застукал, браслет сорвал и рубашку растоптал. Объявил меня распутницей. Вот и пошла обо мне слава по селу. Хоть колени сотри в молитвах Солнцеликой, а жизнь лучше не станет. Никому не нужна попорченная девка, сама знаешь. Вот и боялась нос высунуть из дома, чтобы не освистали. А мачеха так отходила кочергой, что неделю встать с постели не могла. Так что когда захватчики пришли и засунули меня в клетку, я даже с упоением за расправой наблюдала. Особенно за смертью предателя. Так и оказалась в лагере Кайса. На работу погнали сходу. Тяжело было поначалу на прииске, а потом втянулась. Я завтра все тебе покажу, научу. В этом даже есть нечто волшебное, – мечтательно улыбнулась Таура.

Так мы и проболтали до нового звона колокольчика, что оповестил о начале обеда. Девушка заботливо принесла мне еду в палатку, заставила быстро проглотить лепешку с мясной начинкой, закусить сочным плодом и запить чаем с ватрушкой. Унесла посуду и тут же вернулась.

– Ты поспи, Мэлори, а то наши затемно вернутся, такой галдеж начнется, не отдохнешь. Я с благодарностью кивнула, удобно устроилась в койке и закрыла глаза.

Глава 10

Выспаться не получилось. Неугомонная злющая тетка Кара быстро нашла для нас с Таурой работу. Погнала к центральному шатру, за которым развернулась огромная полевая кухня. Все здесь жарилось, варилось, кипело в огромных котлах на разных кострах. Гремела посуда, кастрюли, чашки, ложки. Каждый пленный был занят своим делом. Вот Райя натирала до блеска посуду. Кто-то мыл овощи, другой их чистил и нарезал. Самая крупная женщина из всех заняла место за большим столом, разделявая туши.

Кара усадила нас в сторонке у ведер с вонючими потрохами и заставила промывать кишки. Меня выворачивало от смрада, но я упорно выполняла приказ. Понимала, нельзя перечесть и давать ей повод еще раз отходить меня плетью.

Таура поначалу сокрушалась, а потом замолчала и смирилась с участью. Но вскоре несчастная нога дала о себе знать пульсирующей болью. Действие порошка закончилось, и работа превратилась в невероятную пытку. По знойной жаре сидеть под открытым небом, сторбившись в три погибели и не получить даже чарку воды – вот уж испытание. А еще раздражали косые взгляды и противный издевательский смех свиты этой жабы. Никто из поварих не проявил жалости и участия. Им нравилось наблюдать за нашими лишениями. С особым упоением каждая посмаковала косточки новенькой мерцающей. С подачи Кары сходу окрестили убогой. Неприятно, но для меня привычно. Я никак не реагировала на жалящие выпады гадюк. Себе дороже связываться.

Покончить с кишками нам удалось уже к закату. Вымотанные и измученные жарой, пошли к умывальнику. Долго оттирали мылом ладони, отбивая неприятный запах. Поднялся свежий вечерний ветерок, который помог немного прийти в себя. Вымыв руки, мы с Таурой умылись и отправились в палатку, где нас встретили заинтересованные взгляды прибывших с прииска девчонок.

Все одинаково одетые в простые зеленые платья. От свиты Кары явно отличались затравленными взглядами и изможденными лицами. Лишь одна из мерцающих отличалась с другими. Ее шею и запястья украшали золотые браслеты. Рыжая копна курчавых волос уложена в красивую высокую прическу. Белозубая улыбка сияла уверенностью. И оценивающий меня взгляд не заставил себя ждать.

– Каспиана, это новенькая. Мэлори, – представила меня Таура и отошла в сторону, чтобы не преграждать путь двинувшейся ко мне девушке.

Она шла с грацией и пластичностью кошки по узкому проходу меж коек. В каждом ее движении и взгляде читалась опасность. Картинно слепленная добродушная улыбка не могла скрыть исходящую от девицы хитрость. Не зря Таура предупреждала меня на счет этой Каспианы, что крутит шашни с врагом.

– Добро пожаловать, Мэлори. Лишняя сила на прииске нам не мешает. Мы все тебе рады, – остальные затравленно закивали и сразу потеряли интерес к знакомству. Занялись своими делами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.